

неотлучно находится киргизъ Нарубайка, котораго онъ привезъ съ собою изъ Туркестана и подъ которымъ тоже убито двѣ лошади; киргизъ этотъ удалой малый, пользуется извѣстнымъ уваженіемъ со стороны солдатъ. Въ обществѣ офицеровъ, Скобелевъ держитъ себя весьма просто, какъ товарищъ, и любимъ всѣми. Къ нижнимъ чинамъ онъ обыкновенно передъ каждымъ дѣломъ обращается съ краткими словами поощренія, а послѣ дѣла благодаритъ: «спасибо, ребята, за молодецкую службу» и нужно слышать съ какимъ восторгомъ дружно ему отвѣчаютъ солдаты. До сихъ поръ у Скобелева не было постоянного, болѣе или менѣе значительнаго отряда и потому онъ не имѣлъ возможности оказать болѣе значительныхъ услугъ. Турки хорошо уже знаютъ лихаго генерала, являющагося всегда впереди всѣхъ, и прозываютъ его генераломъ Георгіемъ. Стоитъ только Скобелеву выѣхать на позицію, какъ въ него пускаются многочисленныя пули. Во время перехода войскъ у Систова, Скобелевъ водилъ въ атаку Минскій полкъ и ѣхалъ на бѣлой лошади впереди цѣпи этой роты.

Въ моихъ глазахъ личность ген. Скобелева представляетъ рѣдкій типъ, замѣчательный по своимъ нравственнымъ силамъ и по всему складу своей своеобразной натуры. Этотъ человѣкъ наминаетъ мнѣ героевъ тѣхъ романовъ, въ которыхъ они фигурируютъ въ роляхъ благородныхъ, симпатичныхъ, находчивыхъ рыцарей безъ страха и упрека. Для Скобелева опасностей не существуетъ. Будучи военнымъ человѣкомъ, онъ привязанъ къ военному дѣлу такъ же сильно, какъ привязывается малый ребенокъ къ любимой игрушкѣ. Свистъ пуль гранаты на бранномъ полѣ Скобелевъ выслушиваетъ такъ же невозмутимо, какъ мы слушаемъ обыкновенно болѣе знакомые намъ оперные молитвы. Онъ не любитъ нерасторопнаго казака, называя его бабою, и наказываетъ его тѣмъ, что не беретъ съ собою въ бой, отправляя его въ обозъ во время сраженія. Это не человѣкъ сильныхъ ощущенийъ, потому что онъ ихъ не испытываетъ даже въ самые критическіе моменты боеваго положенія; его какъ будто забавляетъ безсиліе направленаго противъ него огня, и онъ глумится надъ этими смѣшными людишками, которые покушаются на его жизнь, и надъ этими снарядами, начиненными порохомъ будто бы съ цѣлю его пораженія. Я не видалъ такихъ храбрыхъ людей. Такіе люди остаются обыкновенно хладнокровно-разсудительными даже въ самые критическіе моменты, потому что разсудокъ ихъ не порабощается впечатлѣніями минуты. Между тѣмъ въ одномъ кружкѣ нашихъ офицеровъ существуетъ убѣжденіе, что ген. Скобелевъ слишкомъ увлекающаяся натура, которая способна ввергнуть въ огонь и погубить свою часть. Это конечно несправедливо.

«Въ числѣ ординарцевъ генерала Скобелева находится одинъ молодой туркменъ, который такъ сильно привязанъ къ генералу, что не покидаетъ его ни на одинъ шагъ. Вы не можете себѣ представить, какими горькими слезами заливался этотъ туркменъ надъ убитою лошадыю Скобелева. Это былъ его единственный туркменскій товарищъ, его единственный другъ-землякъ въ чужой ему средѣ.

«Мы встрѣтили храбраго генерала Скобелева, осматривавшаго на ночь въ по-

слѣдній разъ свои аванпосты. Онъ ничего не предоставляетъ случаю и самъ наблюдаетъ за всѣмъ. Войска его обожаютъ. Имя его должно скорѣ сдѣлаться любимымъ именемъ всякаго русскаго. Появляясь повсюду, гдѣ только есть опасность, онъ, точно заколдованный, остается цѣль и непредѣлимъ. Какъ-то на-дняхъ, въ разгарѣ битвы, Скобелеву захотѣлось страшно пить; недалеко былъ ключъ; но кругомъ непрерывный дождь бомбъ, ядеръ и пуль, и ни одинъ казакъ не рѣшался ѣхать за водою; тогда Скобелевъ отправился самъ къ ключу, слѣзъ съ лошади, напился воды и поѣхалъ обратно.»

На этого недовольно, что сказано о храбрости молодомъ генералѣ; дайте мы встрѣтимъ много новыхъ подвиговъ, которые докажутъ всему свѣту что генералъ Скобелевъ 2-й одна изъ звѣздъ первой величины, возсіявшей на нашемъ русскомъ горизонтѣ. Какъ русскій по рожденію и по воспитанію, онъ намъ кажется еще дороже, что высокое умственное и нравственное развитіе получилъ не внѣ Россіи, а въ своемъ отечествѣ, и всецѣло принадлежитъ ему.

Въ рапортѣ князя Имеритинскаго о взятіи Ловчи Его Императорскому Высочеству о лицахъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія и похвалы по своимъ военнымъ заслугамъ въ этомъ дѣлѣ, было прежде всего сказано:

«Кромѣ вышепоименованныхъ офицеровъ, особенно отличились: свиты Его Величества генералъ-маіоръ Скобелевъ. Репутація этого блестящаго по своимъ военнымъ способностямъ и храбрости генерала настолько уже извѣстна Вашему Императорскому Высочеству и всей арміи, что мнѣ остается только доложить, что успѣхомъ подъ Ловчею я обязанъ преимущественно ему.

Военный характеръ героевъ третьей атаки подъ Плевной.

(Разказы событій и характерныя анекдоты).

Скобелевъ 2-й, Горталовъ, Куропаткинъ, Добровольскій.—Акъ-паша.—Куропаткинъ близъ взорваннаго редута.—Маіоръ Горталовъ на турецкихъ штыкахъ.—Славная смерть генерала Добровольскаго, и его предчувствіе.—Слезы сестраданія къ погибшимъ.—Нарубайка.—Военная слава Скобелева 2-го.—Опасный моментъ для завтрака.—Солдатскіе толки.—Взятіе Гривицкаго редута.

— Корреспондентъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, въ письмѣ изъ Горнаго Студня, отъ 8-го сентября, рассказываетъ слѣдующіе эпизоды изъ атаки 30-го августа на лѣвомъ флангѣ, рисующіе личность ген. Скобелева:

«На 30-е августа, какъ я уже писалъ, назначено было общее наступленіе. На лѣвомъ флангѣ оно началось въ часъ пополудни, подъ страшнымъ непріятельскимъ огнемъ. Тутъ генералъ Добровольскій, командовавшій второю линією, обращается къ генералу Скобелеву съ вопросомъ: «не рано-ли?»

— Генералъ, отвѣчалъ Скобелевъ: — теперь ужъ не время объ этомъ разсуждать.

«Задѣтый, генералъ Добровольскій вынимаетъ саблю, становится впереди, цѣпи и восклицаетъ:

— За мною, ребята, впередъ!

«Колонны движутся, размыкаются и смыкаются, непріятельскіе ложементы осыпаютъ нашихъ ратниковъ буквально градомъ пуль, а гранаты вырываютъ ихъ десятками изъ строя. Но храбрый русскій воинъ не знаетъ отступленія, въ особенности видя передъ собою стройную фигуру генерала-Георгія. Тутъ былъ раненъ въ руку генералъ Добровольскій; но, не обращая вниманія на рану, онъ все время идетъ впереди своихъ колоннъ, пока другая пуля, попавъ герою въ грудь, не сразила храбраго и достойнаго воина. Тѣло тяжело раненаго Добровольскаго было вывезено въ его собственномъ экипажѣ на перевязочный пунктъ, гдѣ онъ, проведя въ страшныхъ мученіяхъ ночь скончался къ утру слѣдующаго дня. Замѣчательное предчувствіе: когда кто-то началъ расхваливать передъ генераломъ Добровольскимъ его коляску и его отличныхъ лошадей, онъ сказалъ:

— Я ихъ для того сюда взялъ, чтобы они вывезли отсюда мое тѣло: болыничнымъ фургонамъ будетъ и безъ того много дѣла.

«Генералъ Скобелевъ въ этотъ памятный день былъ буквально вездѣ, направляя части, одобряя и поддерживая своимъ примѣромъ. Если какая-нибудь часть начинала колебаться, онъ ее сейчасъ останавливалъ:

— Стой, равняйся, на караулъ! ружья на плечо! и затѣмъ:—За мною, шагомъ маршъ!

«Такой маневръ давалъ отличные результаты: колебавшіеся солдаты, занятые минутно, какъ бы ученіемъ, забывались и наступали въ замѣчательномъ порядкѣ и стойкости.

«Офицеры выбывали изъ строя въ поразительномъ числѣ, до того, напримѣръ, что однимъ батальономъ Калужскаго полка командовалъ фельдфебель, но все-таки командовалъ, и, несмотря на убыль всѣхъ офицеровъ, батальонъ не разстроился, не разсыпался. И какъ командовалъ!

— Ну, ребяташки, патроновъ не тратить, зря не стрѣлять, прицѣлъ брать! Готовъ, что-ли?

— Готовъ, дядя!

— То-то, пли!

«Залпъ изъ шестидесяти-пяти ружей сдѣланъ, и 65 турокъ свалились на мѣстѣ.

«Не герои-ли это, ведомые изъ героев героемъ? Сильнѣйшій проливной дождь, размягчившій до-нельзя грунтъ, не останавливалъ нашихъ солдатъ. Но Скобелевъ видѣлъ отлично, что ему съ своими сильно пострадавшими частями не только нельзя думать о взятіи послѣдняго редута, но и удержаться невозможно. Его троекратное настойчивое требованіе о помощи осталось гласомъ вопіющаго въ пустынь.

— Еще полкъ, дайте только одинъ полкъ свѣжій—и Плевна моя! вырвалось отчаянное восклицаніе изъ мощной груди героя; но слова его не нашли отголоска нигдѣ и затерялись въ пространствѣ безконечномъ.

«На слѣдующій день, какъ предполагалъ Скобелевъ, такъ и случилось: турки начали наступать на свои редуты занятые наканунѣ нами, съ значительными силами, которымъ немыслимо даже было противостоять, и поэтому Скобелевъ приказалъ своимъ частямъ очистить редуты и отступить. Въ одномъ ложементѣ засѣвшая горсть нашихъ храбрецовъ не хотѣла отступить:

— Ваше —ство, позвольте намъ еще пострѣлять!

— Нельзя, выходите всѣ, стройтесь — и маршъ!

— Мы его сюда не пустимъ, позвольте, ваше—ство!

«И съ такими солдатами пришлось отступить только потому, что не было подкрѣпленія. Всѣ вчерашнія жертвы, всѣ труды пропали даромъ и безвозвратно; всѣ позиціи, добытыя кровью потомъ, и пришлось бросить. Взойдите въ душу генерала Скобелева и поймите всѣ чувства, обуревавшія всѣмъ существомъ его. Понесся громадный уронъ въ людяхъ, потративъ много жизненныхъ силъ, переживъ въ эти дни страшныя и мучительныя минуты, онъ опять очутился на томъ же самомъ пунктѣ, откуда вышелъ. Тутъ не выдержалъ его мужественный и закаленный характеръ, и прозрачная слеза скатилась по его ласковому лицу; за ней полились градомъ горячія слезы, и боевой генерал, не преклоняющій головы передъ грозною гранатою, не моргнувшій ни разъ передъ градомъ осыпавшихъ его, пулъ съ презрѣніемъ заглядывающій въ лице смерти, далъ волю своимъ человѣческимъ чувствамъ. Его слезы были слезы состраданія столько жертвъ, столько жизней, потраченныхъ напрасно! Благородный духъ генерала какъ-бы принималъ на себя отвѣтственность за всѣ жертвы; но онъ исполнилъ свято долгъ свой и, стоя на высотѣ своего призванія, стяжалъ заслуженную славу, благодарность и благоговѣніе всего нашего воинства.

«Кромѣ всѣхъ несчастій, въ руки непріятеля достались три наши орудія единственно только потому, что были перебиты всѣ лошади, и нельзя было вывести ихъ съ позиціи. Непріятель не шадилъ ни патроновъ, ни снарядовъ, и огонь его достигалъ крайней степени опустошительности; но, благодаря этому, уже 1-го сентября, говорятъ, у него нехватило боевыхъ запасовъ, и мы не могли этимъ воспользоваться. Ожесточенный бой прекратился, и только изрѣдка, въ теченіе послѣдующихъ дней, изъ нашихъ батарей раздавались выстрѣлы, но турки не отвѣчали.

«На непріятельскомъ правомъ флангѣ, на нашемъ лѣвомъ, должна была рѣшиться участь сраженія. На нашемъ правомъ флангѣ преимущественно дѣйствовали осадныя орудія и румыны. Почему лѣвый флангъ не былъ достаточно подкрѣпленъ и, несмотря на блистательную атаку и геройство нашихъ войскъ, принужденъ былъ отступить, кто и что причиною недостатка или совершеннаго отсутствія сильныхъ резервовъ—судить не намъ. Я не знаю общаго плана сраженія, а констатирую лишь фактъ и признакъ нашего безсилія, обнаружившійся такъ рѣзко на лѣвомъ флангѣ, и, слѣдовательно, недостаточное приготовленіе, несмотря на то, что мы знали, что будемъ имѣть дѣло съ сильнымъ противникомъ. А, можетъ быть, тутъ играли роль другія соображенія, другіе виды;— не знаю. Во всякомъ случаѣ, на одно лишь геройство нашихъ войскъ нельзя было

разсчитывать: и для героевъ есть невозможное. А къ плевнинскому сраженію надо было относиться очень и очень серьезно.

«На правомъ флангѣ попался намъ въ плѣнь одинъ турецкій офицеръ. На вопросъ, много-ли въ турецкой арміи находится иностранныхъ офицеровъ, онъ отвѣчалъ:

— Зачѣмъ намъ иностранные офицеры, когда у насъ есть свой Османъ-паша, котораго не стоятъ и 200,000 иностранныхъ офицеровъ?

«Затѣмъ турокъ пояснилъ, что они хотя и боятся русскихъ солдатъ, но это еще ничего; но «въ русской арміи есть одинъ бѣлый генералъ, который наводитъ на нихъ паническій страхъ; всякій разъ, когда этотъ генералъ выѣзжаетъ на видное мѣсто, солдатамъ велятъ направлять весь огонь на всадника, который все-таки, какъ заколдованный, сидитъ на своемъ бѣломъ конѣ».

— И, дѣйствительно, храбрость и хладнокровіе бѣлаго генерала поразительны и приводятъ всѣхъ въ изумленіе. Во всѣ дни артиллерійскаго боя онъ не выходилъ изъ огня; подъ огнемъ закусывалъ и отдыхалъ, раздѣляя опасность направо со всѣмъ отрядомъ, чѣмъ возбуждалъ всеобщій энтузіазмъ; подъ сильнѣйшимъ огнемъ распоряжался онъ какъ у себя дома. Когда онъ обвѣщаетъ позицію, то всегда приглашаетъ охотниковъ изъ ординарцевъ слѣдовать съ нимъ которые всегда крестятся и прощаются, какъ бы идя на вѣрную смерть.—И подлинно, вокругъ Скобелева все ложится; 30-го августа даже раненъ опасно его любимый киргизъ, Нарубайка, который тоже считался застрахованнымъ отъ пули.

«Подъ Плевною подъ Скобелевымъ убита еще одна бѣлая лошадь и вскорѣ бѣлый генералъ превратился въ чернаго, такъ какъ у него перевелись уже всѣ бѣлыя лошади, а наступающая осень заставила его сбросить бѣлый китель и надѣть черный мундиръ. До сихъ поръ Скобелевъ не имѣлъ постоянного отряда, и ему поручались наиболѣе трудныя и опасныя дѣла. Теперь онъ произведенъ въ генераль-лейтенанты и получилъ дивизію. Прославленное имя его пользуется въ арміи громадною популярностью, извѣстнымъ обаяніемъ и я вѣрю, что этотъ, бѣлый генералъ, сдѣлавшійся идоломъ всѣхъ солдатъ, способенъ на великія дѣла. Разсказываютъ слѣдующій характеристическій случай. Какъ-то молодой герой, сидя подъ огнемъ непріятельскихъ батарей, закусывалъ. Одна изъ гранатъ, съ шипѣніемъ разрывая воздухъ, летѣла прямо на Скобелева въ ту именно минуту, когда онъ клалъ въ ротъ кусокъ дыпленка. Къ изумленію присутствовавшихъ офицеровъ, Скобелевъ пріостановился и видимо ждалъ окончанія полета; этого съ нимъ никогда не бывало. Съ невозмутимымъ спокойствіемъ, онъ какъ бы не замѣчалъ лопавшихся вокругъ снарядовъ, не слышалъ страшнаго шума. Снарядъ пролетѣлъ надъ самою головою генерала, упалъ шагахъ въ 20 сзади его и разорвался на куски, не причинивъ однако никому вреда.

— Въ первый разъ въ жизни, сказалъ, проглотивъ кусокъ спокойно Скобелевъ, мнѣ показалось, что эта кавалья предназначена для меня.